

Известия, 1964, 25 мая
Г А С Т Р О Л И

САМА ЖИЗНЬ

СО СПЕКТАКЛЕМ знакомишься, как с человеком: он может оставить тебя равнодушным, а может стать умным другом и с ним захочешь встретиться еще и еще раз. Спектакль Ленинградского Большого драматического театра имени Горького «Поднятая целина», привезенный на гастроли в Москву, с первого знакомства стал для меня таким другом.

Я подозрительно отношусь к сценической жизни произведений, задуманных и написанных в виде повести или романа. Но когда отошли первые картины спектакля «Поднятая целина», чередующиеся с шолоховским текстом и казачьими хорами, великолепно написанными Модестом Табачниковым, я убедился, что театр не обманул меня. Голос И. Смоктуновского звучит так, словно это я сам переворачиваю шолоховские страницы и читаю про себя на диво крепко сколочен-

ные фразы, которые привели меня в хутор Гремячий Лог. А когда читаешь М. Шолохова, разве не возникает в ушах музыка казачьего хора? Режиссер не навязал мне это решение, он словно подслушал его у меня, читателя, и вернул мне в спектакле этот хор, обогатив его режиссерской мыслью: хор у Товстоногова не музыкальная иллюстрация, а эмоциональное завершение каждой картины.

Трудно дать оценку тому, как Павел Луспекаев играет Нагульнова. Просто за три с половиной часа артисту удалось прожить жизнь Нагульнова. Он заставил меня искренне полюбить этого коммуниста ленинского призыва, у которого идея о справедливом преобразовании жизни на земле — личная, всепоглощающая

страсть. Кажется невозможным сыграть ту радость и то волнение, с которыми Нагульнов принимает в партию своих односельчан, до того эти чувства у него подлинны. И все-таки это сыграно!

Почему же театр в 64-м году решил показать нам во всей большой красоте коммунистов 30-х годов?

Может быть, чтобы напомнить нам еще раз, что за то, чем мы сейчас пользуемся, заплачены такие жизни, как жизнь Нагульнова и Давыдова? Может

быть, чтобы напомнить нам, как Нагульнов пел «Интернационал», напомнить еще раз, что этот гимн может обойтись и без парадной меди оркестров, а так вот, просто, в одном голосе выразить все существо человека-борца?

В этом, мне думается, гражданский пафос спектакля. В этом смысл встречи героя 30-х годов с людьми 64-го года. И люди 64-го года взволнованы и рады этой встрече. В аплодисментах, обрушившихся после картины «Интернационал»,

была не только благодарность актеру, но и нечто большее, что можно выразить кратко: мы помним!

В спектакле есть еще одна знаменательная встреча. Это встреча с дедом Щукарем. Так же, как Луспекаев прожил жизнь Нагульнова, Евгений Лебедев прожил жизнь Щукаря. Дело не в том, что Лебедеву удалось подробно и подлинно передать семидесятилетний возраст. Для Лебедева это технологический момент в роли. Он проник в самые глубины души деда Щукаря. Его Щукарь серьезен и талантлив. Талантлив в привязанностях и вражде, талантлив в видении мира. У Щукаря Лебедева на все свой особый взгляд, который не всегда совпадает с общепринятым взглядом на

вещи. Такое решение позволяет Лебедеву довести образ до глубокой трагедии. Когда Щукарь мечется между убитыми Нагульновым и Давыдовым, забываешь о том, что перед тобой актер. И только потом начинаешь думать о большой актерской удаче.

Хочется сказать самые теплые слова и Кириллу Лаврову, который лаконично и ярко показал Давыдова, и Татьяне Дорониной, которая вдруг после «Варваров» превратилась в Лушку, да такую звонкую и подлинную, что просто диву даешься, и Всеволоду Кузнецову, который в эпизоде создал запоминающийся образ Устина Рыкалина.

«Поднятая целина» у ленинградцев — это серьезный и талантливый разговор о самом главном в жизни.

В. КОРОСТЫЛЕВ.